

МАСТЕР СЛОВА

БЕЛОВ — один из тех писателей, чье творчество давно уже и постоянно привлекает внимание самых широких читательских кругов так же, как и литературоведов.

Откройте филологические «Труды» университетов и педагогических институтов — столбичных и периферийных, — и вы убедитесь, что творчество Василия Белова вот уже лет десять является предметом их самого внимательного изучения.

Да и за рубежом тоже Белова широко издают и изучают — и где только не проходили за последние годы его встречи с читателями и учеными-филологами: и в Праге, и в Братиславе, и в Берлине, и в Париже, и в Лондоне...

Попробуем хотя бы кратко объяснить этот интерес, интерес читательский, широкий: чем и почему он вызван?

Мне кажется, что здесь нужно говорить прежде всего о том обаянии, которое заключено в любой вещи, написанной этим автором.

Простота и естественность его письма, достигающие степени безукоризненности; слово истинно русское, коренное, прошедшее вместе с человеком через его историю, вобравшее в себя опыт поколений и опыт выражения мысли, и чисто житейский, практический; фраза, в которой такое вот коренное слово от случая к случаю перемежается со словом современного лексикона, уже не могут не привлечь к себе внимания. Так ведь оно и есть — кто и где нынче говорит или хотя бы думает на языке коренном, в его «чистоте»? И вот Белов отражает это явление, он мастер не только слова, но и «словечка» современного и областного — это ему хорошо видно, где какое употребить.

Но так или иначе, а это не случайно, что во многих зарубежных учебных заведениях, как уже было сказано, произведения Белова изучаются не только как художественные, но и являются пособиями по русскому языку.

Я бы еще сказал и так: языку поэтическому. Который вернее всего идет в прозу многих наших писателей, а в прозу Белова — прежде всего, от Твардовского, от умения возродить слово полубытовое, доказать его полную пригодность и способность жить еще и еще в

современной нашей речи, в современной литературе.

Обычно, когда говорят о каком-либо писателе, проделывают с ним все то, что критики вот уже многие десятилетия называют «разбором» того или иного текста, сцены, художественного образа, а то и всего творчества писателя; а язык этого писателя, совершенно слово, которым он владеет, ставится в самый конец, дескать, так и так: писатель не худо владеет словом, а иногда даже и хорошо.

Но из текста такого разбора, там, где приводятся цитаты, видно, что языком-то автор не владеет совершенно, либо он таков, что без ссылки на источник, ни за что не узнаешь, кому, какому писателю, а то, может быть, и критику, а то и докладчику он принадлежит. Вот так и утверждается представление о том, что «как» написано, «каким языком» — это не столь уж и важно, а важно другое — что написано, правильно написано или неправильно с точки зрения того, кто «разбирает» и кто печатает.

Творчество Белова — опровержение такой методе. На каждой странице мы встречаем не только его собственный, неповторимый язык, но как бы даже и принципиальное доказательство того, что без языка художественного писателя нет и быть не может.

Поэтому, когда Белов пишет свой «Лад» — серьезное исследование русских, точнее, северорусских ремесел и крестьянского быта, благодаря все тому же языку, четкому, ясному, я бы не побоялся этого сказать, языку, который «берет за душу» и доставляет тебе истинное духовное удовлетворение, — и эта работа тоже становится произведением художественным.

Да мало ли я читал о ремеслах у авторов еще дореволюционных; огромные, многотомные исследования и описания, а вот не производили же они на меня такого впечатления!

Я думаю даже, что Белов свой «Лад» того ради и писал, чтобы нынче под его пером тот же старый и уже известный так или иначе материал именно это новое впечатление и произвел на нас, читателей, чтобы «Лад» встал в ряд не только повествовательный, но и эстетический, если хотите — в словесно-музы-

кальный. Право же, есть что-то общее и близкое между словом Белова и народным хором, оркестром народных инструментов в то время, когда они исполняют что-то задуманное, что-то трогательное.

Белов может писать о вещах, совершенно незначительных, — о том, как герой его читает картошку или моет посуду, и это будет интересно. Что же и говорить, когда он посвящает свои произведения событиям трудным, подчас драматическим, когда мы знакомимся не только с теми или иными эпизодами жизни, но и со всей нелегкой жизнью его героев, как это сделано в одном из выдающихся, на мой взгляд, произведений современной советской литературы «Плотничих рассказов»?

Совершенно очевидно, что по замыслу автора это отнюдь не эпопея — и объем произведения невелик, и стиль то и дело насмешлив, юмористичен, и детали быта выписаны, может быть, с излишними для эпопеи подробностями, и герой, от лица которого идет все повествование, интимен и лиричен, он отнюдь не пытается выполнить роль историка, поднять, поставить и объяснить события исторические...

Как будто бы никаких попыток такого рода.

Но по результатам, по тому конечному и вполне законченному впечатлению, которое остается у читателя, «Плотничих рассказы» можно приравнять и к эпопее, к произведению широкого исторического плана и значения, из которого читатель много что узнает и поймет о таких событиях, как коллективизация, война, послевоенные судьбы деревни.

Мало того, при этом отнюдь ведь не утеряны и все те возможности, которые заключает в себе жанр рассказа: интимность, лиричность, как бы даже некоторая отвлеченность от событий мировых, но причастность к событиям местным и личным.

Редкое умение соединить то и другое да притом еще соединить так органически, непринужденно, на наш читательский взгляд, так легко и просто!

В самом деле — живут два плотника в деревне всю жизнь бок о бок, ни в чем и никогда

они не сходятся — ни в характерах, ни во взглядах на жизнь, ни во всем том, что называется поведением человека, наоборот, они то и дело сталкиваются между собой, один мешает другому, даже можно сказать — мешает жить, а вот нет же, не становятся они врагами, не перестают быть соседями в добром, исконном смысле этого слова и даже дают друг другу обещание: кто первый умрет, для того оставшийся в живых сладит гроб без гвоздей, а только на деревянных шипах!

ОТ «ПЛОТНИЧИХ РАССКАЗОВ» ведет свое начало и вся книга «Воспитание по доктору Споку», которая с полным на то основанием выдвигается на соискание Государственной премии СССР.

Как познакомились мы на первых страницах с мальчиком Костей Зориним, который пишет первую в своей жизни автобиографию, необходимую для поступления в техникум: «Я, Зорин Константин Платонович, родился в 1932 году... Отец погиб на войне, мать — колхозница», так затем и последуем за ним, уже зрелым человеком, инженером.

И не только Зорин Константин Платонович оказывается в поле нашего зрения — вот и автобиография его некогда любимой женщины («Моя жизнь»), вот и сцена с участием его маленькой дочери («Свидания по утрам»), а вот психолого-драматическая ситуация, в которой переплетено все: и семейные отношения, и взгляд писателя на тех людей, для которых нечто внешнее — внешний вид, внешняя игривость и самые внешние понятия — уже есть что-то главное и существенное. Потому что других понятий у этих людей нет, а может быть, уже и быть не может («Чок-получок»).

Кстати говоря, «Чок-получок» представляется мне одной из самых остропсихологических и драматических сцен из тех, которые мне довелось прочесть за последние годы в нашей и зарубежной современной литературе.

«Воспитание по доктору Споку», начатое с «Плотничих рассказов» и законченное вот этим «Чок-получком», — эта цепочка социально-психологических сцен и образов выстро-

на Беловым опять-таки с присущим ему художническим тактом и с тем умением, когда писатель о многом говорит, но едва ли не больше того заставляет читателя думать... Думать и додумываться, думать и заключать.

В свою очередь это произведение, точнее, этот сборник произведений, связанных одним действующим лицом, естественно вписывается в тот ряд, который создает всем своим творчеством Василий Белов, и пусть условно, пусть приблизительно, но пытайтесь так или иначе его определить, я назвал бы этот ряд так: человек — труд — природа.

Это те измерения, в которых уже многие годы писатель создает свои вещи, в которых сам существует творчески...

Он прекрасно пишет природу, но никогда природа не остается у него наедине с самой собой, всегда в ней присутствует человек со своей психологией, с душевным своим настроением и со своим же трудом, от которого он неотделим, который — не только работа, но и его человеческая суть, его назначение, источник его духовности.

Порознь эти три измерения у Белова, как я помню, и не существуют; даже там, где он описывает какое-то ремесло, от ремесла так и веет природностью, а там, где он мастерски выписывает пейзаж, чувствуется необходимость труда и человеческой заботы в приложении к природе, необходимость единения с ней не только мысленного, но и действительного, если так можно сказать — «рукодельного».

Все время, все время писатель ищет гармонию между этими составляющими, и там, где он ее не находит, он страдает, любящая же находка радует его бесконечно...

Наверное, я рассуждаю несколько схематично, но, если уж я хочу определить, почему Белов является столь значительным явлением советской литературы, почему к нему проявляется столь серьезный и повсеместный интерес, мне не остается ничего другого, как только привести то или иное определение его творчества.

А то, что Белов, что многие его книги и «Воспитание по доктору Споку» в том числе — явление весьма значительное, что оно заслуживает высокой премии нашего государства, в этом, мне кажется, не сомневается никто из читателей, достаточно знакомых с его творчеством.

Сергей ЗАДЫГИН.